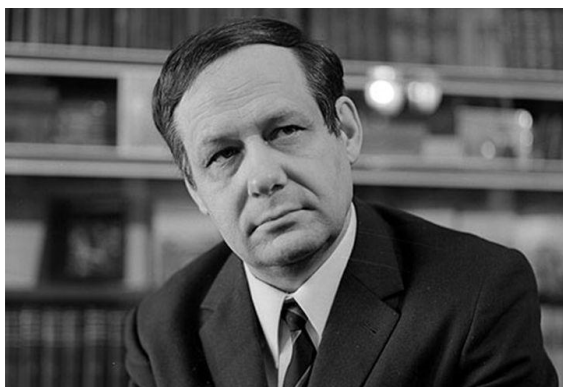

**Известный
и неизвестный
Иван Мележ**

Известный и неизвестный Иван Мележ

100 лет назад, 8 февраля 1921 года, родился классик белорусской литературы Иван Мележ. Рассказываем вам о неизвестных фактах его биографии (он сам соорудил деревянный велосипед, учился с будущим председателем КГБ, воевал), а также о создании знаменитой «Полесской хроники».

«Тады кажнаму палоска адзельна давалася, мяжа была. А калі перойдзеш — о, што рабілася! Біліся зажны кусочак зямлі»

Иван Мележ родился на Полесье, в деревне Глинище Хойникского района. Именно в этой деревне жили прототипы его знаменитых романов, но само действие «Полесской хроники» разворачивалось в Куренях (такое название получила соседняя деревня Кореневка). Почему?

— Он с пяти лет бегал к деду в Кореневку и там жил, — рассказали в музее Ивана Мележа.

— Каранеўка — радзіма маткі Мележа, тут жыла яго цётка Ганна і яго дзед Дзяніс, ён таксама апісаны ў рамане. Иван Паўлавіч сільна любіў дзеда і саўсем малым чераз лес за 5 кіламетраў уцякаў да яго, — уточнили местные жители.

«Полесская хроника» состоит из трех романов. Название первого из них, «Людзі на балоце», появилось не просто так.

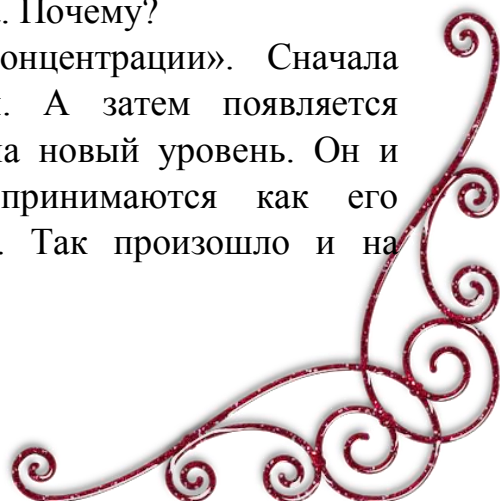
— Ой, шчэ якія болоты былі! 200 метраў ад хаты. Сеяць не маглі нічыво — жаншчыны ўручную капалі канавы, каб вада сцякала. Матка мая капала, — вспоминала местная жительница. — Тады кажнаму палоска адзельна давалася, мяжа была. А калі перойдзеш — о, што рабілася! Біліся зажны кусочак зямлі.

Все эти эпизоды нашли отражение в романе. Помните, для Василя, главного героя книги, земля была даже важнее, чем любовь Ганны.

Неудивительно, что постройка гребли (дороги), о которой рассказывается в «Людзях на балоце», кардинально изменила судьбу полешуков.

Любопытно, что гребля фигурировала в десятках романов белорусских писателей. Но в истории осталось лишь произведение Ивана Мележа. Почему?

По мнению литературоведов, сказался феномен «концентрации». Сначала создается ряд произведений определенной тематики. А затем появляется писатель, который обобщает эти находки и выходит на новый уровень. Он и становится классиком, а остальные писатели воспринимаются как его последователи, лишённые творческой оригинальности. Так произошло и на примере Мележа.

Учеба с будущим главой КГБ и первые стихотворения

Но до написания «Полесской хроники» должны были пройти годы, а пока вернемся к биографии Ивана Павловича.

В школе будущий писатель являлся настоящей звездой. Он приходил в класс в постолах (лаптях из кожи), которые сделал сам. А вот его одноклассникам до четвертого класса их делали родители. Кроме того, Мележ смог сам сделать деревянный велосипед, на котором рассекал по улицам.

В 1938-м будущий писатель окончил школу. Немного поработал в местном комсомоле, а в следующем году поступил в Московский институт философии, литературы и истории имени Чернышевского. Любопытно, что студентом и одновременно комсомольским секретарем института тогда являлся Александр Шелепин — в будущем глава КГБ, который годы спустя поддержал заговор против Хрущева, но проиграл Брежневу борьбу за власть.

Правда Мележ учился в Москве недолго: уже на первом курсе его призвали в армию. Перед войной будущий прозаик был известен как автор стихотворений. Одно из них было подписано «Мелеш». На вопрос поэта Николая Аврамчика, откуда взялся такой странный псевдоним, Иван Павлович улыбнулся и ответил: «Трэба пісаць сваё імя пад творам разборліва».

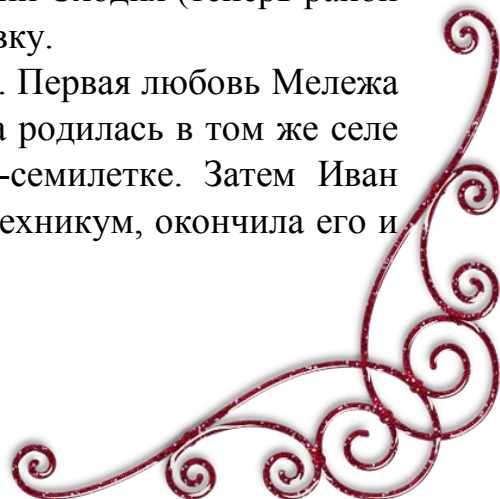
Но увлечение поэзией было недолгим. В 1938-м Мележ приехал в Минск на встречу молодых поэтов и привез одно стихотворение. Коллеги раскритиковали его в пух и прах. Несколько дней из автора было не вытянуть ни слова...

Вообще автор «Полесской хроники» был чрезвычайно обидчив и болезненно реагировал на любую критику. Но та ситуация помогла ему. Во время войны он начал писать рассказы (один из них высоко оценил Кузьма Чорный). Вернувшись в освобожденный Минск, Иван Павлович сказал знакомому, что стихи — это эпизод в его жизни, который не повторится.

Преподаватель и студент в одном лице

Во время Великой Отечественной Мележ воевал на территории Украины, был дважды ранен. После второго ранения его отправили в тыл, а затем на работу в БГУ, который возобновил работу на подмосковной станции Сходня (теперь район города Химки). Там Мележ преподавал военную подготовку.

Находясь в тылу, писатель встретил свою будущую жену. Первая любовь Мележа осталась по ту сторону фронта. Ее звали Алеся. Девушка родилась в том же селе Глинище, они подружились во время учебы в школе-семилетке. Затем Иван продолжил учебу, а Алеся поступила в педагогический техникум, окончила его и работала учителем. Война разлучила их.

В Оренбургской области Мележ познакомился с Лидией Петровой, которая была на два года младше Ивана Павловича. В апреле 1943 года, никому не сказав ни слова, пошли в загс и расписались. Как потом рассказывала жена писателя, они считали брак своим личным делом и шумной свадьбы не хотели. Лидия Петрова-Мележ стала первой читательницей всех произведений мужа.

Одновременно с преподаванием в БГУ Мележ... стал его студентом: он поступил на заочное отделение филологического факультета. Именно на станции Сходня он окончательно решил стать писателем.

После войны Мележ поступает в аспирантуру, где пишет диссертацию о творчестве Кузьмы Чорного, работает в БГУ, в журнале «Полымя», в ЦК Коммунистической партии Беларуси — и пишет прозу.

Его первым романом становится «Мінскі напрамак», посвященный освобождению Беларуси. Писатель работает над ним шесть лет (1947–1953). И хотя позже он возвращался к этой книге и переписывал ее, роман — по гамбургскому счету — не стал его творческой удачей. Мележ не чувствовал себя уверенно в этом материале. Хотя свою роль «Мінскі напрамак» сыграл. По словам писателя, «толькі з яго выхадам адчуў сябе пісьменнікам».

Работа над романом словно вытянула из Мележа все силы. Несколько лет он писал лишь небольшие рассказы. Впрочем, условия для работы у него были. В 1953-м на Карла Маркса, 36, был построен писательский дом (сейчас на его первом этаже находится книжный магазин «Веды», а рядом — вход на станцию метро «Купаловская»). Два подъезда из трех были отданы представителям творческой интеллигенции. В том числе — писателям: на одной площадке с Шамякиным жил Мележ, ниже — Василь Витка и Петро Глебка, выше — Янка Брыль и Ян Скрыган. В этих двух подъездах насчитывалось всего 24 квартиры, по две, три или четыре комнаты.

Раз мы уже заговорили о «квартирном вопросе», то свою знаменитую «Палескую хроніку» он также писал на юге, где часто отдыхал. О себе часто напоминало ранение времен войны. У писателя были больные легкие, которые и свели его в могилу раньше времени.

А когда романы «Людзі на балоце» и «Подых навальніцы» получили всесоюзное признание, Мележ получил пятикомнатную квартиру в элитном доме по адресу: улица Янки Купалы, 7. Там создавался роман «Завеі, снежань», который так и остался неоконченным.

Как невыключенный утюг чуть не уничтожил «Людзі на балоце»

Роман «Людзі на балоце» мог и не дойти до читателей. Однажды в доме на Карла Маркса случился пожар. Дочь Ивана Павловича решила погладить себе кофточку, но затем забыла выключить утюг.

Вскоре из окна квартиры показался дым, который первыми заметили прохожие.

— Прымчаліся пажарныя, — рассказывал писатель Василь Витка. — Заліўшы полымя,

якое ўжо рвалася з акна, па лесвіцы падняліся на балкон у кватэру. Распалены да чырвані прас ляжаў на падлозе. Стол зеўраў выгаралай дзіркай пасярэдзіне. Настольнік згарэў, тлеў разасланы пад нагамі кілім, займалася канапа...

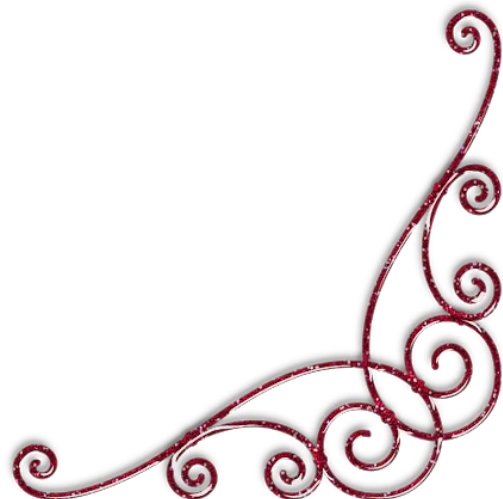
Между тем Мележ, ничего не знаящий о пожаре, возвращался домой в хорошем настроении. Во дворе он увидел толпу людей. Ему сказали, что в его квартире произошел пожар. Писатель побелел. А через некоторое время уже засветился от счастья. Почему? В кабинете на столе лежал законченный роман «Людзі на балоце». Если бы огонь достиг этой комнаты, рукопись бы не уцелела и работу пришлось бы начинать заново. Но до этой комнаты пожар не дошел.

В тот момент писатель все еще не мог определиться с названием романа. Когда он принес рукопись в журнал «Полымя», на отдельном листе было целых пятнадцать вариантов названия. Писателя больше всего привлекали два названия: «Людзі на балоце» и «Туманы над багнай». Наконец редакторы вроде бы остановились на втором варианте. Но в последний момент из отпуска вернулся сотрудник «Полымя» Алесь Рылько, которого назначили дежурным по номеру. Прочитав корректуру, он засомневался:

— Даволі змрочна ўсё гэта. А назва «Туманы над багнай» яшчэ больш прыгнятае. Першыя гады савецкай улады, тут святло павінна быць, а не туманы...

Мележ согласился, добавив, что ему больше нравится название «Людзі на балоце».

— Хай ідзе ў часопісе. Калі што — потым, можа, памяню, як буду выдаваць асобнай кніжкай.

«Мележаву эпапею прынята параўноўваць з Маркесавай»

Договор на перевод «Полесской хроники», подписанный Иваном Мележем.

В 1961 году роман был опубликован и вызвал эффект разорвавшейся бомбы. Рассказывали, что его читали даже машинистки, которые набирали текст.

— Больш пра зямлю, што з малой, што з вялікай літары, так ужо ніхто не пісаў. З такім веданнем справы, з такім адчуваннем сваёй да яе прыналежнасці, з такой, бадай што, рэлігійнай засяроджанасцю на ёй, з такім пачуццём уласнасці, — пісал об этой книге писатель

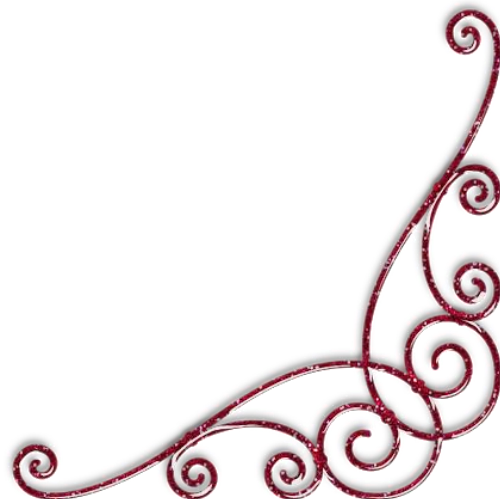
Альгерд Бахаревич в книге «Гамбургскі рахунак Бахарэвіча».

Обычно скупой на похвалы Бахаревич сравнивает роман Мележа с произведениями, получившими мировое признание.

— Мележаву эпапею прынята параўноўваць з Маркесавай: і тут, і там спрэсаваная вечнасць, сто гадоў адзіноты, і тут, і там праз апісанне лапіка роднай зямлі аўтар набліжае чытача да ўспрымання нейкага агульначалавечага болю, болю ўсіх за ўсіх.

А еще с Михаилом Шолоховым:

— Вядома, што Мележ уважаў Шолахава за аднаго са сваіх літаратурных настаўнікаў. Іх лучыць перадусім жаданне паказаць моцныя характары — такія моцныя, каб ажно трашчала. Абодва ў сваіх тэкстах аддаюць развітальны паклон моцы зямлі і голасу роду — таму першабытнаму, што было вынішчана ў селяніне. «Людзі на балоце», улічваючы час стварэння рамана, гэта беларускі адказ Шолахаву на ягоны казацкі эпас. І адказ вельмі ўдалы: «Людзі на балоце» чытаюцца са значна большай цікавасцю, яны пазбаўленыя ліхое бяскрайнасці стэпу, дзе размываецца ў жоўтай гліне і жарсць, і жудасць, застаецца адна зямля. Балота і тут служыць аховай тэксту, гермэтызуючы яго, робячы больш пукатым, на выспе сярод лясоў прасцей абвастраць і канкрэтызаваць.

Поздняя любовь или чувства между детьми героев?

Второй роман Мележа, «Подых навалніцы», не смог полностью повторить успех первого. Третий, «Завеі, снежань», так и не был окончен. Вообще Мележ планировал написать и четвертый, и пятый романы.

В его записных книжках сохранились записи. С их помощью можно узнать, как должны были сложиться судьбы героев. Ганна Чернушка должна была связать свою судьбу не с Василем, Евхимом или Башлыковым, а с бывшим красноармейцем Миканором, который особенно настойчиво агитировал сельчан построить дорогу через болото. По словам Мележа, жених Ганны в конечном итоге должен был заслужить уважение жителей деревни. Когда какой-то начальник хотел оставить колхозников без хлеба, Миканор «здаў нарыхтоўкі. Выдзеліў насенне. А ўсё астатняе размеркаваў. І дачакаўся пракурора». Василь Дятлик должен был вернуться домой с фронта. «Калі палалі Курані — сям'я [Василя] загінула. Выратаваўся сыноч адзін. Яго выпадковая смерць абмінула», — писал Мележ.

Лидия Петрова-Мележ вспоминала, что ее муж рассматривал даже такой вариант: поздняя любовь Василя или Ганны, или даже чувства между их детьми.

Этим планам не суждено было сбыться. Но как ни парадоксально это звучит, наверное, к лучшему. В советское время писатель вряд ли мог открыто написать правду об ужасах коллективизации, а затем и массовых репрессиях. А без этой правды произведение проиграло бы.

Иван Мележ скончался в 1976 году, прожив всего 55 лет. После его смерти вышло собрание его сочинений в 10 томах, появились фильмы «Люди на болоте» и «Дыхание грозы». Уже в 2012-м в Купаловском театре по первому из романов был поставлен спектакль.

Родные места Мележа изменились до неузнаваемости.

— Болото давно осушено. У нас за Глинищами все поосушивали. Вода из колодцев ушла. Сейчас у нас водопровод! Ржавая вода. Зато на месте болота сделали пруд. Лебеди живут. На рыбалку даже из самих Хойников приезжают. Но болота нет. Даже фильм «Люди на болоте» снимали не у нас, — рассказали в музее писателя.

Но главное произведение писателя осталось в литературе. Вряд ли кто-нибудь из белорусских писателей сможет создать роман о крестьянской жизни, который превзойдет «Людзі на балоце». Это не просто классика, которую проходят в школе. Это национальный эпос, который стоит почитать каждому белорусу.

